

«Почему Джин здесь? Разве он не ушел на задание? Да еще и на одиночную ликвидацию повышенной сложности.»

Только зная, что Джин занят, А-Эр решил прийти к Аюми. Кто же мог подумать, что тот вернется так быстро, да еще и разыщет их в этой дыре.

Джин, всегда любивший держать все под контролем, молчал с той самой секунды, как распахнул дверь. В его ледяных зеленых глазах застыло обманчивое спокойствие — то самое затишье, что всегда предвещает бурю.

А-Эр бесшумно заслонил собой испуганную Аюми.

«Эх, была бы у него сейчас при себе карта навыка **[Смертельный враг]**... Она заставила бы Джина переключить всё внимание на него и напрочь забыть про Аюми. Увы, эту карту он получил лишь после побега из Организации, а в этой временной точке её у него ещё не было.»

— Ты... — только и успел вымолвить А-Эр, как Джин оборвал его на полуслове.

— Хм, ты умеешь удивлять, — процедил Джин. — Так вот ради чего ты все эти дни витал в облаках? Решил разгромить лабораторию Организации?

А-Эр промолчал.

— Возвращаемся.

С этими словами он развернулся и пошел прочь, даже не взглянув на застывшего на месте А-Эра и жмущуюся за его спиной Аюми Ёсиду.

Видя, что Джин не рвет и не мечет, а решает спустить дело на тормозах, А-Эр почувствовал, как к горлу подкатывает странное, смешанное чувство. Но разве мог он просто послушно кивнуть и пойти следом? Будь он один — возможно, прикинулся бы дураком. Но как быть с Аюми? Позволит ли Джин увести подопытную?

Он перехватил Джина за запястье. Сереброволосый мужчина резко обернулся. Поняв причину его колебаний, Джин нахмурился, но уже через мгновение его губы искривились в зловещей, полной чистого яда усмешке.

— Выбирай, — его низкий голос прозвучал подобно погребальному колоколу. — Либо ты уходишь отсюда и забываешь все, как страшный сон, либо остаешься здесь навечно. Ради этой девчонки за твоей спиной.

Аюми испуганно вцепилась в подол рубашки А-Эра. Тот даже не обернулся, продолжая молча

закрывать ее своим телом.

Джин был скользок и коварен, как змея; он без тени сомнения лгал и предавал ради своих целей. Но интуиция подсказывала А-Эру: сейчас тот не врет. Стоит подчиниться, послушно забыть все, что случилось сегодня, и вернуться вместе с ним — и Джин лично уладит все последствия. Замнет дело перед Организацией, позволив А-Эру жить прежней жизнью.

Но бросить Аюми А-Эр не мог.

— Опять ищешь призрак покойника в чужом теле? Жалкое зрелище, — внезапно бросил Джин.

Эти слова заставили А-Эра внутренне содрогнуться. Откуда Джину знать? Перед вступлением в Организацию он тщательно стер все сведения о Кадзуме Арааки и обзавелся безупречным поддельным именем.

Неужели он вел себя настолько очевидно, что Джин просто разглядел эту отчаянную тоску по мертвецу?

А ведь тот попал в самую точку. В этой маленькой девочке А-Эр действительно видел образ своей погибшей младшей сестры — Харуки Арааки, которая была всего лишь сгенерированным игрой NPC.

Харука появилась на свет случайно, когда он только запустил эту проклятую игру. Сколько бы А-Эр ни допытывался у Системы, ответ оставался неизменным: погибшие случайные NPC стираются навсегда. Их невозможно вернуть или воссоздать.

Эта потеря долгое время оставалась его незаживающей раной.

Конечно, спроси его кто-нибудь, действительно ли он так сильно любил ее, он бы лишь промолчал.

Если начистоту, Харука погибла слишком рано. Время, проведенное вместе, пролетело как один миг. Спустя столько лет он уже с трудом мог воскресить в памяти черты ее лица, помня лишь спокойные, глубокие зеленые глаза.

На похоронах Харуки А-Эр не проронил ни слезинки. Он просто сидел с каменным, ничего не выражающим лицом. Его друг детства, Дзинпэй Мацуда, из-за этого устроил жуткий скандал, а под конец неожиданно крепко обнял его и разрыдался сам. А-Эр тогда всерьез подумал, что у Мацуды поехала крыша, за что тут же получил от рассерженного друга звонкий подзатыльник.

Но те зеленые глаза он вспоминал постоянно. Харука была его связью с тихими, мирными буднями. Когда этот чистый взгляд устремлялся на него, А-Эру казалось, что он и сам когда-нибудь сможет стать нормальным человеком.

Увы, он слишком долго вращался в мире, населенном безумцами, и теперь нормальные люди казались ему сумасшедшими.

Хотя, если подумать, в этой игре психов на каждый квадратный метр столько, что на их фоне он — образец душевного здоровья. Иронично.

Лишенный и капли самокритики, А-Эр перевел взгляд на Джина.

Тот смотрел на него своими мрачными, как грозовое небо, темно-зелеными глазами.

— Выбирай, — повторил он.

Терпение никогда не числилось среди добродетелей Джина, но рядом с А-Эром он удивительным образом умел сдерживать себя.

Но если и существовало то, чего он не прощал ни при каких обстоятельствах, так это предательство. Предательство Организации. И его самого.

— Хорошо, я уйду отсюда, — произнес А-Эр. Аюми вздрогнула от ужаса, но он ровно закончил:
— Но девочку я забираю с собой.

Джин ледяно усмехнулся:

— Такого выбора у тебя нет.

— Я пока не планирую бросать Организацию, но хочу, чтобы она жила на свободе и в безопасности.

— С чего ты взял, что можешь диктовать мне условия?

А-Эр тоже улыбнулся:

— А разве нет?

Джин промолчал, буравя его взглядом.

В следующее мгновение Джин вскинул пистолет и выстрелил в Аюми Ёсиду. А-Эр, ожидавший этого, рванулся наперерез и оттолкнул девочку в сторону. Та кубарем покатилась по полу и мгновенно забила под угловой шкаф.

Два безумца сошлись в рукопашной. В ход пошли кулаки и ноги; тяжелые удары дробили кости, брызнула теплая кровь, щедро заливая пол. Спустя несколько минут оба, тяжело дыша и истекая кровью, застыли друг против друга. Избитые, дикие, похожие на выходцев из преисподней, они молча сверлили друг друга бешеными взглядами.

Лицо Джина исказилось от ярости. Длинные серебряные волосы слиплись от крови — своей, чужой или их общей, разобрать было невозможно. От него веяло чистой, осязаемой смертью, он казался самым воплощением ночного кошмара. Тем не менее, сквозь зубы он процедил:

— Если я еще раз увижу ее, лично отправлю на тот свет.

«Ого, значит, договорились», — мысленно усмехнулся А-Эр.

Он коротко кивнул, вытащил из укрытия дрожащую от страха Аюми и, следуя за Джином, покинул разгромленную лабораторию.

Оказавшись снаружи, он отвел Аюми к месту, где временно обосновался Конан Эдогава, и отправил короткое сообщение Рею Фуруе с просьбой присмотреть за детьми.

В последующие дни все вернулось на круги своя. А-Эр по-прежнему тенью следовал за Джином — то прилежно работал, то откровенно пинал балду, а время от времени шулки ради подбрасывал в книжный шкаф босса шедевры дешевой романтики вроде «В объятиях властного киллера», «Невинный подручный и его суровый босс» или «Моя милая суженая-убийца».

В лексиконе Джина слова «терпение» не существовало в принципе. В очередной раз обнаружив макулатуру, он с потемневшим от злости лицом приставил дуло пистолета к виску А-Эра и заставил того зачитывать текст вслух, слово за словом.

— Читай, — процедил он.

А-Эр, недолго думая, завыл на одной ноте и принялся декламировать с запредельным драматизмом:

— Ради возлюбленной своего парня Чу Нянь пожертвовал своей кровью, роговицей глаза, почкой и костным мозгом, но теперь от него требуют отдать еще и сердце! Потрясенный до глубины души киллер решает уйти. И тогда его парень наконец осознает, кого любил на самом деле... Он бежит, а тот преследует его — им обоим ни за что не вырваться из этих сетей страсти!

— И это, по-твоему, книга с изящным слогом, безупречной логикой и глубокими чувствами? — ледяным тоном спросил Джин.

— А разве нет? Разве это не прекрасно, не логично и не глубоко?

— Тогда почему в финале этот Чу Нянь не вырезал им всем органы к чертям собачьим?

А-Эр завис на секунду, а затем уставился на него округлившимися глазами:

— Погоди... Так ты ее реально до конца дочитал?!

— Ой, да ну тебя! У Чу Няня были совсем другие приоритеты! Да, его с детства растили хладнокровной машиной для убийств, но его израненной душе была нужна лишь любовь! О, какая трагедия! Какая драма!

Он умудрился расчувствоваться до такой степени, что из глаз хлынули настоящие слезы. Не умея искренне понимать чужие чувства, А-Эр мастерски разыгрывал на публику глубокое сопереживание. Джина от этого фарса едва не вывернуло наизнанку. В итоге они сцепились прямо в комнате — дрались так яростно, что умудрились в хлам разнести кровать. На следующий день обоим пришлось отправляться на задание с угрюмыми лицами, пряча свежие синяки и ссадины.

Завершив работу, они осели в полутемном баре. Джин демонстративно хранил молчание, а Система, обычно без умолку болтавшая в голове, куда-то запропастилась. От скуки А-Эр принялся прислушиваться к чужим разговорам.

Слух у него был феноменальный, хотя в обычной жизни он сознательно глушил посторонние шумы, чтобы не мучиться от мигрени из-за переизбытка информации. Но сейчас, расслабившись, он без труда улавливал обрывки фраз со всех концов заведения.

В основном посетители шептались о делах, используя заезженный шифр Организации — скука смертная. А-Эр уже хотел переключить внимание на что-то другое, как вдруг уловил долетевшую из дальнего угла фразу:

—...а вчерашний-то оказался чистым тунцом...

Смысл ускользал. Наверное, какой-то кодовый термин? Хотя по мерзкой ухмылке говорившего мужчины казалось, что речь идет о чем-то куда более приземленном и грязном.

Недолго думая, он повернулся к Джину и прямо спросил, что это значит.

Джин промолчал, ожоговым взглядом уставившись на него.

А-Эр действительно обожал дразнить людей, и любые его жесты или слова со стороны можно было принять за откровенный флирт. Однако на деле в подобных вопросах он оставался вопиюще наивным. Он в принципе не умел распознавать направленные на него эмоции, к тому же в мире будущего, откуда он был родом, продолжение рода давно перестало зависеть от традиционных методов — детей там штамповали партиями в инкубаторах, напрямую извлекая

нужные гены.

Разумеется, дураком он не был. Базовую анатомию и физиологию он знал отлично и прекрасно понимал, чем люди занимаются в постели. Но стоило зайти чуть дальше банальной теории — во все эти пикантные метафоры вроде «дохлого тунца» или тайных сексуальных практик — как он тут же пасовал.

Джин, и без того взвинченный подброшенной макулатурой, теперь столкнулся с этим вопросом. Увидев абсолютно искреннее недоумение на лице А-Эра, он помрачнел пуще прежнего. Ярость клокотала в нем, не находя выхода. Смерив говорившего за дальним столиком мужчину убийственным взглядом, Джин заставил бедолагу мгновенно завалить рот и замереть от ужаса, молясь всем богам, чтобы его не пристрелили прямо здесь.

Видя, что напарник отмалчивается, А-Эр дернул его за рукав.

— Ну так что это значит? — не унимался он.

— А сам как думаешь? — ледяным тоном отозвался Джин. — Тунца никогда не ел?

Сидевшая неподалеку Вермут прыснула и рассмеялась до слез, охотно подливая масла в огонь:

— Зачем ты его допрашиваешь? Проще самому разузнать.

Стоило Джину медленно перевести на нее тяжелый, налитый яростью взгляд, от которого, казалось, вот-вот лопнет хрусталь бокалов, как Вермут тут же решила ретироваться.

— Ой, вспомнила, у меня еще куча дел. Пожалуй, пойду.

Уходя, она тихо, но вполне отчетливо пробормотала под нос:

— Боже... Для тебя он так и остался тем шестилетним ребенком, верно?

А-Эр не придал ее словам значения. И пускай точного определения он так и не узнал, по странной реакции окружающих нетрудно было догадаться, что речь шла о чем-то непристойном. Кое-какая сообразительность у него все же имелась.

Тема его особо не занимала — спросил чисто со скуки. Раз Джин не хочет отвечать, настаивать он не стал. Вместо этого А-Эр погрузился в размышления о том, какую книжку подсунуть боссу в следующий раз.

Этот безумный балаган тянулся так долго, что А-Эр со временем даже начал сомневаться в

собственных догадках.

Но однажды, когда он в очередной раз пытался втиснуть на полку шедевр под названием «Любовь безжалостного убийцы: куда бежишь, моя милая?», его застукали на горячем. Джин мертвой хваткой вцепился в его запястье, едва не ломая кость, и процедил сквозь зубы:

— Забавляешься?

А-Эр беззаботно ухмыльнулся:

— Да так, развлекаюсь помаленьку.

— Не знал, что ты можешь быть настолько невыносимым, — холодно заметил Джин.

— Ну надо же дать тебе весомый повод прикончить меня, — весело отозвался А-Эр.

Воздух в комнате мгновенно заледенел, но А-Эр будто не заметил этого. Он продолжал:

— С того дня, как я вернулся с тобой, твоя жажда крови только растет. Последнее время даже Водка боится к нам приближаться. Бедняга. Так ведь тоже нельзя, мне нужно дать тебе законный повод избавить мир от моего присутствия. А то Водка еще заявится требовать компенсацию за потерянную премию за выслугу лет.

Конечно, в Черной организации не водилось никаких премий за выслугу лет — А-Эр просто паясничал.

Джин чуть ослабил хватку, а затем хрипло, раскатисто расхохотался. Когда А-Эр переставал притворяться и обнажал свою истинную суть, Джин всегда испытывал извращенное удовольствие.

— Ты чертов псих, — выдохнул он.

— Рыбак рыбака видит издалека. Хотя нет, тут я уступаю тебе пальму первенства, — парировал А-Эр. — Я одного не пойму: с самого первого дня, как я пришел в Организацию и встал перед тобой, ты буквально исходил жаждой крови. Столько времени прошло, я пообещал, что никуда не сбегу, так почему твое желание прирезать меня крепнет с каждым божьим днем?

— А разве твоим обещаниям можно верить?

Яд в его голосе можно было черпать ложками. А-Эр обиженно надулся:

— Я что, похож на человека, который не держит слово?

— Ты не просто похож. Ты такой и есть.

— Эй!

— Хм. Говоришь, моя жажда крови растет? А как насчет тебя самого? Твое желание сбежать становится все очевиднее с каждым часом. Ты спишь и видишь, как бы убраться отсюда. Рано или поздно ты снова предашь меня. Твои глаза... они живые. В них больше нет той мертвой пустоты, что была раньше. Это бесит. Чего ты добиваешься на самом деле?

А-Эр расплылся в преувеличенно широкой, безумной улыбке:

— Этот мир — всего лишь одна большая игра. И я собираюсь пройти ее до конца.

— Хочешь сказать, ты здесь главный герой, спасающий вселенную? — Джин презрительно фыркнул.

— Да нет, скорее уж главный злодей, несущий всеобщее уничтожение. Когда игра завершится, этот мир прекратит свое существование.

— Даже если это убьет тебя самого?

— Даже если это убьет меня самого.

Произнеся это, он вдруг вспомнил себя в теле Камиллы. Вспомнил, как раз за разом его плоть пожирало яростное, безжалостное пламя.

Тогда, охваченный огнем, он чувствовал лишь дикий восторг и долгожданную свободу. И только вернувшись в свое прежнее тело и обретя рассудок, он содрогался от запоздалого ужаса.

Но Камилла был частью его сути. Какой бы облик он ни принимал, внутри всегда жила эта безумная, завораживающая готовность лететь на огонь, подобно ночному мотыльку. Глупый, но чертовски красивый порыв — уничтожить себя ради того, что по-настоящему желанно.

[Поздравляем! Синхронизация с личностью «Камилла» увеличилась на 20%. Текущий уровень: 30%]

[Поздравляем! Синхронизация с личностью «Кадзума Арааки» увеличилась на 10%. Текущий уровень: 90%]

Не успел А-Эр удивиться системным оповещениям, как Джин глухо произнес:

— Раз уж ты так рвешься на тот свет, я лично избавлю тебя от мучений.

— Эй, полегче на поворотах. Мы оба стоим друг друга и каждый день ищем смерти, — их взгляды встретились. А-Эр видел свое отражение в чужих глазах. Его собственные алые радужки, тягучие и сладкие, как вишневый сироп, лучились извращенным восторгом и безумием. В этой безумной красоте сочеталось величие божества и свирепость дикого зверя. А может, звериная натура была прекрасна, а божественная — безумна.

В этом безумном мире невозможное легко становилось реальностью.

— Джин, разве такие, как мы, не танцуют каждый день на лезвии бритвы? И ты, и я. Неужели ты сам не получаешь от этого кайф? Запах свежей крови, чужие покусения, вечная ходьба по натянутому канату... Этот безумный адреналин от близости могилы. Так что не тебе меня судить.

Из глубины горла Джина вырвался хриплый смешок:

— Твоя правда. В конце концов, в наших жилах течет одна и та же кровь.

Услышав это чистосердечное признание, А-Эр мысленно схватился за голову.

Что это еще за дешевая драма в стиле «Люк, я твой отец»? Тот найденный дневник намекал на родство слишком жирно, но А-Эр до последнего надеялся на ошибку. Думал, что это просто дурацкий троллинг от создателей игры, пытающихся направить его по ложному следу.

Теперь последняя иллюзия рассыпалась в прах.

«Твою дивизию, ты и правда мой родной брат!»

«Что делать, если промежуточный босс, с которым мы рубимся не на жизнь, а на смерть, оказался моим старшим братом? Срочно нужен совет, жду в комментариях!»

В его воспоминаниях за Кадзуму Арааки значилось лишь то, что после запуска симуляции он очнулся без памяти обо всем, что было до семи лет. Его усыновили родители Харуки, а в местной начальной школе он сошелся с Дзинпэем Мацудой и Кэндзи Хагиварой.

О наличии настолько индийского сюжета в своей биографии он даже не догадывался!

Но теперь необъяснимая, дикая заикленность Джина на его персоне наконец-то обрела

СМЫСЛ.

В реальном мире он тоже частенько шпионил за своим старшим братом, А-И. Одно время на того сыпались бесконечные покушения, и А-Эру пришлось караулить под его кроватью, отправляя киллеров на тот свет еще до того, как они успевали переступить порог или влезть в окно — исключительно ради того, чтобы не тревожить сон брата.

Стало ясно, почему Джин тогда произнес эти слова с такой странной, почти обреченной интонацией: «Пожалуй, тебе действительно лучше умереть».

Интересно, должен ли он сейчас по закону жанра разрыдаться, начать рвать на себе волосы и биться в истерике? Для его нынешнего актерского мастерства это была бы задачка со звездочкой.

В долю секунды А-Эр выхватил спрятанный нож и вонзил его в Джина. Тот успел закрыться рукой — лезвие глубоко ушло в предплечье, брызнула горячая кровь. В то же мгновение оглушительно грохнул выстрел: пуля Джина начисто срезала мочку уха А-Эра.

Их кровь закапала на холодный бетон, смешиваясь в единую темную лужу.

— Раз так, пускай говорит сталь и кровь.

Оба смеялись. Этот безумный хохот не имел ничего общего с человеческим — так скалились рычащие в темноте звери, рвущие зубами плоть соперника.

Их бой длился вечность. Они терзали друг друга всю ночь, пока восток не окрасился рассветом, продолжали драться под палящим солнцем и не остановились, когда оно скрылось за горизонтом. Лишь когда густые сумерки вновь окутали город, исчерпавшие все силы противники рухнули на холодный цемент. Кровь хлестала из ран, разливаясь вокруг багровым озером.

Удивительно, как много крови способно вместить в себя человеческое тело.

Но сколько бы крови они ни теряли, дикое пламя, полыхавшее в их душах, было невозможно потушить.

В тот далекий день из забытого прошлого, когда А-Эр решился на побег из лаборатории, их пути разошлись окончательно и бесповоротно.

А-Эр физически не мог остаться послушной марионеткой. А Джин органически не умел прощать предательство.

— Хе-хе-хе... кха! Кха-кха... — А-Эр судорожно хватал ртом воздух, не в силах сдержать смех, и тут же давился подступающей к горлу кровью. Изломанное тело содрогалось от боли, но он продолжал улыбаться. Его белоснежные волосы, некогда чистые, теперь слиплись от багровых пятен. Бледное, покрытое липким потом лицо, испачканное алыми брызгами, выглядело пугающе красивым в своей предсмертной хрупкости.

— Джин... — прошептал он едва слышно. — Похоже, выжить суждено только одному из нас. Хе-хе... Но спешу разочаровать: меня не так-то просто убить. Даже если я сдохну, я буду возвращаться снова и снова. Восстану из ада, стану твоим личным кошмаром и буду преследовать тебя до скончания веков.

Даже Джин после суток непрерывной резни исчерпал весь свой ресурс. Он находился на самом пороге небытия, но упрямо, преодолевая слабость, приподнялся на локтях и протянул дрожащую руку, чтобы провести ладонью по лицу А-Эра.

Он размазал кровь, и теперь все лицо юноши окрасилось в ровный, жуткий багровый цвет, придав ему сходство со свирепым демоном.

Джин злорадно оскалился:

— Какое счастье, Кагэ... Я так рад, что меня буквально колотит от восторга. Возможность убивать тебя снова и снова, без конца... Кошмар? Ха-ха-ха! Да это же самый сладкий, самый лучший сон на свете!

У грани небытия Джин наконец-то сбросил маску, обнажив черную, израненную душу, скрытую за вечным глухим пальто.

Этот человек отчаянно желал видеть рядом покорную куклу, безмолвную тень самого себя, но в то же время испытывал дикий экстаз, когда брат показывал клыки. Разум и первобытные инстинкты вели непрекращающуюся войну в его сознании, заставляя совершать безумные поступки.

В конечном итоге Джин просто хотел забрать его себе без остатка. Завладеть им полностью — вплоть до последнего вдоха.

— Кагэ... Только я имею право оборвать твою жизнь. Ты должен умереть только от моей руки. Слышишь? Только от моей.

Сквозь спутанные серебряные пряди на А-Эра уставились дикие зеленые глаза. Этот хищный, безумный взгляд, казалось, выжигал саму душу.

[Поздравляем! Игрок получает карту: «Смертельный враг»]

****[Смертельный враг]****

****[- Условие получения: Максимальный уровень жажды убийства со стороны Джина]****

****[- Эффект: Находясь поблизости от Джина, вы всегда будете первым, на кого он обратит внимание. Возможно, в какой-то из реальностей вы были неразлучны. Но в этой — вам суждено биться до последнего вздоха]****

Кагэ... А-Эр на миг впал в оцепенение, осознав, что это его настоящее имя в этом мире. Кагэ. Тень. Какая злая ирония.

И вот он снова держит в руках ту самую карту.

Похоже, сколько бы жизней они ни прожили, Джин раз за разом будет преследовать его с этой слепой, первобытной яростью.

Именно из-за неразрывных уз крови они обязаны уничтожить друг друга.

Зрение стремительно угасало, реальность расплывалась грязными цветными пятнами, и лишь серебро волос Джина по-прежнему сияло во тьме ослепительным пламенем.

Выплюнув подступившую к губам кровь, А-Эр прошептал сладким, вкрадчивым голосом, словно признавался в любви:

— Ну что же... В следующий раз встретимся в настоящем аду. И продолжим нашу бойню.

В эту тихую, ничем не примечательную ночь два единокровных брата испустили дух, лежа бок о бок на залитом кровью полу.

Перед тем как сознание окончательно поглотила бездна, в его разуме раздался бесстрастный механический голос.

****[Поздравляем! Вы открыли скрытую сюжетную развилку сна (IF-линия): «Взаимосвязанные судьбы»]****

<http://bllate.org/book/18335/1760489>